

УДК 821.161.1-3.09"19"(045)

*Д.В. Иванчук***ПРОБЛЕМА ОТЧУЖДЕНИЯ КРЕСТЬЯН ОТ ЗЕМЛИ В ПЕРИОД С СЕРЕДИНЫ 1960-х ПО СЕРЕДИНУ 1980-х ГОДОВ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ОТРАЖЕНИИ АВТОРОВ «ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРОЗЫ»**

Статья посвящена изучению проблемы отчуждения крестьян от земли в период с середины 1960-х по середину 1980-х гг. в контексте осуществлявшейся в эти годы аграрной политики. На обширном содержательном материале публицистических произведений авторов «деревенской прозы», архивных и иных исторических источников даётся анализ указанной проблемы, выявляется её комплексный характер. Выделяются и исследуются причины отчуждения крестьян от земли, имевшие наибольшее значение именно в эти годы, такие как дальнейшее огосударствление, централизация и концентрация сельскохозяйственного производства; его централизованное планирование; введение гарантированной оплаты труда; негативное воздействие со стороны СМИ и массовой культуры; сельский комплекс неполноценности; нехватка невест на селе; политика ликвидации неперспективных деревень.

Ключевые слова: отчуждение крестьянства от земли, раскрестьянивание, аграрная политика, миграция из сельской местности, «деревенская» публицистика.

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-4-812-822

Общественный интерес к публицистике, посвящённой проблемам отечественного села, её крайняя актуальность объясняется переплетением многих факторов и, прежде всего, — тяжелейшей судьбой советского крестьянства в XX в., вынесшего на своих плечах коллективизацию, раскулачивание, Великую Отечественную войну, основной груз послевоенного восстановления, многочисленные конъюнктурные и непродуманные сельскохозяйственные эксперименты власти. Несмотря на то что публицистика как исторический источник отличается достаточно высокой степенью субъективности, обращение к ней позволяет исследователю острее обозначить картину повседневности, в рамках которой происходили изучаемые процессы и события. Кроме того, публицистика зачастую содержит в себе важную информацию, которая в делопроизводственной документации просто отсутствует. «Благодаря этому качеству публицистика является одним из ценных источников по развитию общественно-политической мысли, внутривластной и экономической обстановки и социальной ситуации в государстве» [7, с. 118].

Цель исследования — определение и рассмотрение основных причин отчуждения крестьян от земли в период с середины 1960-х по середину 1980-х гг. на основе анализа публицистического наследия известных российских писателей, представителей так называемой «деревенской прозы»: Б. А. Можая, И. А. Васильева, являвшихся одновременно и профессиональными журналистами, а также Ф. А. Абрамова и В. И. Белова. «Именно они первыми широко подняли и представили на суд общественности многочисленные проблемы российского села... Не ограничиваясь рамками художественной литературы, указанные авторы обратились и к публицистическому жанру как средству гражданского протеста, направленного против непродуманной и столь тяжкой по своим последствиям аграрной политики государства» [8, с. 114]. Значимость этого обращения отмечал в одном из своих интервью В. Г. Распутин: «публицистика — это деловой жанр, писатель выражает в ней не только свою, но и общественную точку зрения. Властные круги вынуждены считаться с нею» [16, с. 199].

Отчуждение от земли: что включает в себя это явление? Прежде всего, это превращение крестьян в производственно-хозяйственном плане в сельскохозяйственных рабочих. Это неуклонное сворачивание личного подсобного хозяйства и связанные с этим необратимые изменения самого менталитета сельских жителей. То, что раньше для крестьянина было неприемлемым, вызывало морально-нравственный дискомфорт — невозможность оставить незасеянную усадьбу, если в доме остаются хозяева, имеющие хоть малейшие силы её обработать, приобретения большей части продуктов на стороне — становится обычным явлением. Исчезает стыд за некачественную работу. Происходит утрата чувства хозяина: земли, на которой работаешь; родного села, в котором живёшь. Причём на всех уровнях, начиная от председателя колхоза и заканчивая рядовым колхозником. К проявлениям отчуждения крестьян от земли также следует отнести массовую миграцию, выливавшуюся зачастую в повальное бегство сельчан в города.

«Раскрестьянивание» деревни в современной российской исторической науке — проблема неоднозначная и дискуссионная и сама по себе несёт печать обречённости, трагической завершённости крестьянства как класса на российской земле. Одни исследователи (М. А. Безнин, Н. А. Ивницкий, Е. Б. Никитаева, Л. Н. Денисова) делают выводы о завершении раскрестьянивания российской деревни к середине 1980-х гг. Другие, в частности, В. П. Данилов [17, с. 459], В. В. Наухацкий, не столь категоричны [14, с. 7]. Отчуждение от земли — комплексная, системная по своему характеру проблема. Причины её теснейшим образом переплетены и взаимосвязаны между собой. Своими корнями она уходит в уничтожение собственности крестьян на землю, коллективизацию и раскулачивание, невыносимо тяжкий труд колхозников в период Великой Отечественной войны и в годы послевоенного восстановления. Последующие разрушительные хрущёвские эксперименты, связанные с шаблонным укрупнением колхозов и началом ликвидации так наз. «неперспективных деревень», переброской финансовых средств, техники и кадров из веками складывавшихся сельскохозяйственных районов на целину, кукурузной и иной компанейщиной (одно Рязанское дело чего стоит!), с введением ограничительных мер для развития личного подсобного хозяйства также добавили своё. В то же время нельзя не учитывать и объективный фактор урбанизации общества, того, что даже при относительно благополучном развитии села среднестатистическому человеку в городе всё-таки жить проще. Однако фактор этот был гипертрофирован и деформирован советскими социально-экономическими и идейно-политическими реалиями, прежде всего гарантированной занятостью, разъедавшей советскую экономику изнутри и особенно сильно бившую в эти годы по селу, катастрофически терявшему кадры.

Хронологические рамки исследования ограничиваются периодом с 1965 по середину 1980-х гг. Анализ содержания публицистики авторов «деревенской прозы» позволяет выделить следующие причины отчуждения крестьянства от земли, игравшие наиболее значимую роль в эти годы: *дальнейшее огосударствление, централизация и концентрация сельскохозяйственного производства; его централизованное планирование, вплоть до мелочей; введение гарантированной оплаты труда; негативное воздействие со стороны СМИ и массовой культуры; сельский комплекс неполноценности; нехватка невест на селе; политика ликвидации неперспективных деревень*, осуществлявшаяся в 1960-е — начале 1980-х гг., получившая нормативно-правовое закрепление в составлявшихся преимущественно в 1970-е гг. схемах и проектах региональных районных планировок. Анализ освещения практики последней в публицистике представителей «деревенской прозы» подробно представлен автором статьи в одной из последних публикаций [8, с. 112–120]. Кроме того, к факторам, повлиявшим на отчуждение крестьян от земли в это время, следует отнести также *несовершенство ценовой политики в условиях плановой экономики*. Это и пресловутый дисбаланс цен между промышленными и сельскохозяйственными товарами, и явные ошибки в определении закупочных цен на различные виды сельскохозяйственной продукции, а также надбавок к ним, что особенно било по основной массе ещё «державшихся на плаву» рядовых хозяйств. Сюда относится и колоссально затратное для государства поддержание твёрдых цен на хлебобулочные изделия в разы дешевле реальной себестоимости (буханками хлеба, привезённого порою за десятки километров из райцентра, в 1970–1980-е гг. кормили скотину, тогда как травы оставались нескошенными). *Ошибки в разработке и реализации программы жилищного строительства на селе*, проявлявшиеся в строительстве во второй половине 1960-х—начале 1980-х гг. в «перспективных сёлах» непригодных для деревенской жизни многоквартирных домов в несколько этажей (при запрещении капитального строительства в «неперспективных») также внесли свою лепту в процесс отчуждения сельских жителей от земли. Всесторонне проанализировать все перечисленные обстоятельства не позволяют содержательные рамки исследования, поэтому более подробно остановимся лишь на некоторых из них.

Дальнейшее огосударствление, специализация и концентрация сельскохозяйственного производства. Мартковский пленум 1965 г., взявший курс на расширение хозяйственной самостоятельности колхозов и совхозов, качественное повышение закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, руководствовался целью подъёма сельскохозяйственного производства и одновременно уровня жизни сельского населения. Продолжается и реализация стратегической задачи КПСС на ликвидацию различий между городом и деревней, базировавшаяся на идее преимущества государственной собственности по сравнению с колхозно-кооперативной и частной. Несмотря на то, что на пленуме «прозвучало предостережение по поводу форсирования процесса преобразования колхозов в совхозы, не подкреплённого никакими социально-экономическими соображениями» [9, с. 443], и сами масштабы преобразования колхозов в совхозы значительно уменьшились, «начавшийся процесс, ввиду прием-

лемости его всеми сторонами (поскольку интересы руководителей и крестьян в большинстве случаев совпадали), шёл сам по себе... В результате, рост совхозного сектора и сокращение колхозного по всем показателям наблюдается до начала 1980-х годов» [9, с. 443–445]. Вместе с тем в 1965–1966 гг. осуществлялось и разукрупнение некоторых чрезмерно укрупнённых совхозов, в создании которых отсутствовали реальные экономические предпосылки, как-то: острая нехватка кадров, материально-технических фондов в маломощных колхозах [6, ф. Р-3024, оп. 7, д. 213, л. 25, 45; д. 477, л. 27–33]. Начинается внедрение методов бригадного хозрасчёта в колхозах и совхозах, реализация которого натолкнётся вскоре на сопротивление сложившегося механизма командно-административной системы хозяйствования.

Этой проблеме большое внимание уделяет в своих очерках Б. Можаяев. В одном из них — «От чего зависит урожай» (1972) — автор приводит мнение бригадира безнарядного звена В. Папкова: «И труд человека на земле, и производительность должны измеряться только продукцией... Механизатор-хлебороб должен быть хозяином не только техники, но и земли. Не в отвлечённом понятии, как любят у нас нажимать — “хозяин всей земли”... Не всей. А определённого участка. Который должен быть за ним также закреплён, как трактор... Мы в своём звене, состоящем из четырёх человек, на площади шестьсот гектаров сняли зерновых по двадцать два и две десятых центнера. А в третьем отделении на “ничейной” земле взяли всего по девять центнеров. И что же вы думаете, мы вдвое больше заработали? Шиш! Мы заработали даже меньше, чем те, на общих гектарах. Тем главное — набегать побольше гектаров. Они в проигрыше никогда не будут. Нам, звеньевым, в нашем совхозе плановая урожайность установлена в 28 центнеров, на общей же земле — всего четырнадцать... Вот у нас звено Чинилина сняло по сто пятьдесят центнеров кукурузы. Неплохо по такой засухе. Чинилин позаботился, чтобы всю его кукурузу взвесили. А в соседнем отделении “общую” кукурузу никто не взвешивал. Кукуруза там была тощая и вполтину не тянула до чинилинской. Но вот чудо — по отчётным документам та хилая кукуруза оказалась урожайнее чинилинской. Как же так? Спрашиваем агронома, а он только плечами пожимает. Я, говорит, не приписывал, это кто-то другой. Но каково же Чинилину? От лучшей кукурузы заработать меньше? Да мало того, насмешки ещё выслушивать: что, выгадал? Вот почему звенья страдают от засухи, а групповикам — ничто» [12, с. 195–196].

К рубежу 1960–1970-х гг. расширение хозяйственной самостоятельности колхозов и совхозов, совершенствование аграрных отношений уже не является приоритетом. Так, в материалах очередного пленума ЦК КПСС по сельскому хозяйству (июль 1970 г.) главное внимание было уделено совершенствованию материально-технической базы сельского хозяйства [10, с. 155, 161]. «В 1970–1975 гг. было принято более 50-ти постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР, посвящённых укреплению материально-технической базы сельского хозяйства и отраслей АПК и предусматривавших развитие механизации, химизации, мелиорации» [14, с. 50]. Руководство страны всеми этими средствами стремилось поднять производительность труда и удержать молодёжь в деревне, создав на селе условия труда, сопоставимые с городскими. Однако результатом этого станет усиление административных методов, утверждение ведомственного, бесхозяйственного по существу подхода и нарастание кризисных явлений на селе. «Новым этапом концентрации сельскохозяйственного производства и процесса раскрестьянивания явились с середины 1970-х гг. межхозяйственная кооперация и агропромышленная интеграция, которые в партийных документах были объявлены важнейшим направлением стирания классовых различий между городом и деревней. Начало этому процессу было положено постановлением ЦК КПСС от 28 мая 1976 г. «О дальнейшем развитии специализации и концентрации сельскохозяйственного производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции» [17, с. 436].

Стремление к сохранению преимущественно мелкотоварного колхозного производства является общей идейной позицией данных авторов. «У нас крестьянин должен жить как можно ближе к земле, тогда он её видит, присматривает, обихаживает. О каком присмотре можно говорить, если пахарь, живущий за тридцать-сорок километров, приедет два-три раза в году на затерянный среди кустов лоскут пашни? Если даже и болит у человека душа, поглядит, посожалеет, вздохнет... и уедет» [4, с. 207–208]. Равно как и предоставление колхозам в соответствии с их кооперативной природой максимальной самостоятельности в вопросах организации деятельности, планирования, производства и реализации продукции, сведение к минимуму обязательных государственных закупок, популяризация безнарядных звеньев. Особенно жёсткой критике подвергается сложившаяся практика специализации и концентрации производства. Стоившая огромных затрат и имевшая низкую экономическую

эффективность, она обернулась в итоге ведомственностью и бесхозяйственностью на местах. «Кому сеять лён, кому сажать картошку, кому откармливать телят на мясо, а кому растить тёлков на племя — всё это опять-таки было решено в райкабинетах. И никаких собраний, ни опроса мнений, ни совета с теми, кому всё это исполнять. Я имею в виду рядового полевода и животновода, потому что у председателя хоть что-то да спрашивали» [4, с. 168]. Порождением курса на специализацию стало выведение из-под ответственности хозяйств на местах значительной части функций, обслуживающих непосредственное сельскохозяйственное производство. Характеризуя практику последнего на примере Псковской области, Васильев отмечает: «К началу 1980-х гг. картина в районе сложилась такая: производством сельскохозяйственной продукции занято восемнадцать колхозов и совхозов и более сорока специализированных предприятий и организаций. В два раза больше, чем основных производителей. Столько услуги у земледельца! Перечислять подрядчиков нет надобности: названия их длинные, замысловатые. Легче перечислить то, что осталось земледельцу. А ему осталось вот что: вспахать поле, засеять, сжать, накосить сено и силоса, кормить скотину, доить, убрать навоз. По крайней мере так задумано. На деле немножко не так... Начнём с того, что абсолютно все, как межхозяйственные, так и государственные специализированные организации — партнёры земледельца — экономически независимы от конечного результата производственной деятельности всего комплекса. Они могут перевыполнять свои планы, а урожаи будут снижаться, молока и мяса будет производиться меньше, что в последние годы и происходит. Созданные с благой целью, они очень скоро обнаруживают стремление к независимости от последнего. Подрядчик стремится найти наряд там, где легче и выгоднее, иногда вовсе не связанный с земледелием. В районе нет такого права распорядится любым подрядчиком, в интересах конечного продукта». [4, с. 134–135].

О проблемах хозяйств, связанных со специализацией производства на селе, рассказывает и Б. Можаяев в очерке «И общий интерес» (1979), описывая состояние дел в специализирующемся на откорме молодняка пензенском колхозе «Гигант» — одном из наиболее крупных и успешных хозяйств области. Его председатель В. П. Цирулев, считавший необходимым в обязательном порядке — для поддержания в колхозниках крестьянской сути — оплачивать им работу не только деньгами (зарплата в его колхозе была сопоставима со средними городскими заработками), но и натуральной продукцией, в беседе с автором отмечает: «Мне нужна для собственного потребления свинина, говядина, нужны яйца, молоко. Однако молоко я не имею права выдавать колхозникам, пока план не выполню. Конечно, я выдаю, но в план это не засчитывается. В совхозе засчитывают, а у нас нет. Попробуй заведи я свиней для своих нужд! Мне их тут обсчитают по всем статьям, и тогда всё на свете проклянешь... А яйца! Мне нужно в год примерно восемьдесят-сто тысяч яиц. Кто мне их даст? А птицеферму держать не имею права. У меня — специализация» [12, с. 297]. От жаркого юга до Русского севера — схема, шаблон во всём: в строительстве животноводческих комплексов, планировании посевных площадей, составлении схем районной планировки с определением перспективных и неперспективных населённых пунктов независимо от местных условий, проблем, запросов земледельца. И. А. Васильев описывает как активный и предприимчивый председатель передового ржевского колхоза им. Ленина М. Е. Голубев под давлением ведомственности и всеобщей безответственности постепенно утрачивает интерес к делу. Связано это было с реализацией в его хозяйстве с 1970 г. проекта строительства агрогородка с современным специализированным животноводческим комплексом с последующим переселением в многоквартирные дома жителей окрестных деревень и сосредоточением в нём всего хозяйственного потенциала. Став заложником многочисленных ведомств, ответственных за реализацию отдельных стадий проекта, реализация которого затянулась на 8 лет, председатель вскоре горько пожалел о своём согласии на это. «Все эти годы колхозу запрещалось строить в бригадах, ибо все деревни автоматически, в связи со строительством единого посёлка, попадали в разряд неперспективных, и капиталовложения сосредоточивались в центре. Голубев уже видел, куда это ведёт, пытался как-то предотвратить нежелательные последствия, кое-что нахрапом делал — хозспособом поставил коровник, но существенно изменить ход дела не мог» [4, с. 42]. При ферме-комплексе построили огромное бетонное навозохранилище, механизация которого на практике показала полную непригодность. «Почему за народные деньги нет ответчика? По логике вещей, надо бы спросить с меня, с председателя. Но у кого поднимется рука? Мне денег не давали, мне дали проект и предписали по нему строить. А нянек у этого проекта куча. Найди в куче виноватого! Если бы мне дали не kota в мешке, а деньги, я бы, прежде чем вкопачивать сто шестьдесят тысяч рублей в навозохранилище, самолично всё пощупал и обнюхал. И прежде всего заключил бы с поставщиком торфа железный договор: подведёшь — заплатишь за недобор хлеба.

Да и вообще подумал бы, нельзя ли обойтись половиной суммы, а на вторую половину построил бы дорогу, чтобы возить навоз на дальние поля. Вот тогда меня спросите, я готов отвечать. А так ведь что получается? Не хозяин в своём хозяйстве» [4, с. 53].

«Хозяин стремится поднять поскорее родящую силу старой пашни, — продолжает писатель, — для этого ему надо провести так называемые культуртехнические работы: убрать кусты и камень, раздвинуть контуры поля, вбухать побольше органики. Своих машин нет, он обращается к мелиораторам, а у ПМК свои резоны, продиктованные собственным хозрасчётом. У неё план — освоить, к примеру, миллион двести тысяч рублей в год. За счёт каких гектаров можно скорее “набрать” план: “дренированный” стоит тысячу двести рублей, “культуртехнический” — от ста до двухсот. К тому же дренаж — это массив, не надо расплываться, а культуртехника — мелочь, орехи... Перегонов больше, чем работы. И ПМК стремится набрать дорогостоящих объектов, поскорее наращивать объёмы в суммовом выражении» [4, с. 151]. Из всех обслуживающих сельское хозяйство ведомств наиболее часто колхозам и совхозам приходилось иметь дело с «Сельхозтехникой». Не обладая правом заключения прямых сделок с заводами-изготовителями, они должны были проводить через районные отделения этой организации все поступления необходимой сельскохозяйственной техники, равно как и её регулярное дорогостоящее ТО. В беседе с И. Васильевым управляющий псковским областным объединением «Сельхозтехника» С. Ломтев откровенно сказал: «Да, мы берём 130 % накладных за услуги, но скажите, как мне выполнить план прибылей? Вот плановая цифра на пять месяцев — почти три миллиона семьсот тысяч рублей. Мы недополучили полмиллиона, значит, премий лишились, фонд материального поощрения сократился. А вот ещё графа: прочая продукция. Что под ней подразумевается, никому не известно, а она, бывает, тянет половину, а то и больше плана. Она гонит нас на поиски выгодных подрядов, ищем где угодно, на сельское хозяйство иногда и не смотрим. Дело — в планировании, мы поставлены планом в такие рамки, что иной раз плохое использование техники в колхозах и совхозах нам выгодно. Зачем, скажите, планируют нам число капитальных ремонтов? Мы же должны так обслуживать машины, чтобы они меньше ломались, но под количество ремонтов спланирована прибыль — и хочешь не хочешь, а стремись, чтобы побольше было и подороже» [4, с. 346]. На приведённом примере хорошо показана неразрывная взаимосвязь исследуемой причины отчуждения крестьян от земли с неослабевающим *централизованным планированием его, вплоть до мелочей*.

На сложность возникшей ситуации в очерке «Быть хозяином» (1981) обращает внимание Б. Можяев: «И без комплекса нельзя, — говорит председатель одного из колхозов, — и с комплексом горе. Пасём коров в лесу, почти до Аккулово гоняем, или до Княжей — это километров десять в одну сторону... Ведь тысячи голов. Голодные... Траву вместе с землёй прихватывают. Оттого и болезнь — черви какие-то в печени появились. По пять литров дают всего молока-то. А личные коровы, из того же стада взятые, дают по шестнадцать литров, потому как пасутся на задворках, по травным местам.

— А может, поторопились вы с комплексом?

— Нужда — работников нету. В лесных сёлах, откуда свезли коров, совсем некому работать. Одно Аккулово осталось. Там ещё держим ферму. Но людей и там мало» [12, с. 319].

Однако возможности у председателей колхозов для проявления хозяйственной инициативы, несмотря на массу всевозможных ограничений, всё же имелись. Но для этого необходимо было иметь волевой и самостоятельный характер, предпринимательскую хватку, стремление всегда оставаться хозяином в своём деле, здоровье и силы, недюжинный опыт. И при этом не испытывать нужды в кадрах в своём хозяйстве, имея активную поддержку со стороны колхозников. Кроме того, и без везения было не обойтись. Имея мужество пойти поперёк руководящей линии, необходимо было осознавать, что палки в колёса вставлять будут, и что лимит времени для реализации задуманного небольшой. Необходимо либо обязательно добиться впечатляющего успеха, став передовым хозяйством (одним из так наз. «маяков», необходимых любому областному начальству для демонстрации своих успехов, которые затем получали определённую поддержку «сверху»), либо, добившись очевидных результатов, совпасть с «новыми веяниями» в сельскохозяйственной политике. Чтобы твоё хозяйство можно было привести в пример как образец в реализации тех или иных нововведений.

Конечно, таких председателей не могло быть много. Но они были. «Е. А. Петров, более пятидесяти лет возглавлявший колхоз “Молдино” Псковской области, когда выдержать нажим “схемачей” становится ему не под силу, апеллирует к власти коллектива. В своё время Петрова под страхом снятия с должности обязали распахать клевера. Он созвал общее собрание колхозников и вынес на обсуждение вопрос “распахивать или не распахивать”. Собрание проголосовало за клевера, и пред-

ставьте, ни один их начальствующих антитравопольщиков не посмел пойти против законного решения коллектива» [4, с. 87]. «В. Н. Рыбин, председатель колхоза в Приильменье, в самый разгар кампании по специализации животноводства отказался вывести овец и свиней. По районной схеме специализации колхозу полагалось держать только крупный рогатый скот, председатель же оставил полтысячи овец и тридцать свиноматок. Власти, понятное дело, выразили Рыбину неудовольствие, обвиняли в “своеволии и непонимании”, коллеги председатели язвили, что вот, дескать, мало человеку одного хомута, он три надел. Обывательски понимаемый личный интерес должен бы склонить Рыбина к подчинению схеме, как склонил он многих и многих. Но исправно действующий механизм выражения коллективного интереса выдал волю колхозников: держись! Малая свиноферма давала около шестисот поросят личным подсобным хозяйствам, каждая семья была с мясом, излишки продавала заготконторе и на базаре. Баранина шла на общественное питание. Кормились же фермы отходами полеводства, нисколько не стесняя молочный скот. Года через три, когда вскрылся изъян схемы, и авторы её сделали поворот в сторону восстановления мелких ферм и поощрения личных хозяйств, Рыбина начали ставить в пример как дальновидного руководителя» [4, с. 85–86].

Введение гарантированной оплаты труда. С 1965 г. начинается перевод всех колхозов страны на гарантированную ежемесячную оплату труда. Руководство страны рассматривало эту инициативу как наиболее важное звено в общем плане утверждённых мартовским пленумом 1965 г. мероприятий, призванных придать новые импульсы развитию сельского хозяйства, смягчить последствия осуществлявшихся ранее «перекосов» и качественно повысить уровень жизни на селе. Гарантированная зарплата должна была сдерживать всё более усиливающуюся миграцию в города, повысить заинтересованность колхозников в результатах своего труда. Однако данного импульса хватило лишь на сравнительно короткое время, и уже к началу 1970-х гг. начинает проявлять себя оборотная сторона этого нововведения. И. Васильев отмечает: «Помню, как после 1965 г., когда ввели гарантированную оплату труда, в наших деревнях начали сокращать подсобные личные хозяйства. По поручению газеты я проводил тогда опрос населения. В общем, ответы сводились к одному слову: деньги. Стали получать чистые и немалые деньги, своё хозяйство начинало мешать, и товарность его резко сократилось» [5, с. 105]. Особенно негативно введение гарантированной заработной платы отразилось на хозяйствах Нечерноземья, где это усугублялось острой нехваткой кадров. В написанном в конце 1970-х гг. в соавторстве с А. Чистяковым очерке «Пашня живая и мёртвая» Ф. А. Абрамов приводит рассказ бригадира с Новгородчины: «Иду, смотрю — коровы на свежей пашне. Ходят, что грачи, борозде кланяются. Подхожу, вижу — картошку жуют, на меже возле картофелесажалки. Коля Яковлев покуривает. Спрашиваю: Ты что сделал? Отвечает: картошку посадил... На такого тракториста рассчитывать нечего, и воспитывать его тоже поздно, да и трудненько... Загубил семена, исковеркал пашню... Что же было дальше? Оштрафовали? Наложили взыскание? Ничего подобного... Оплатили его “работу” по наряду. Попробовали бы не оплатить, лишились бы тракториста. Сам директор совхоза признал:

— Здесь тракторист выше директора. Рад бы уволить, да некем заменить. Хоть сам на трактор садись» [1, с. 118].

«Главный инженер совхоза “Суворовский” как-то сказал:

— Слышали? В совхозе “Опеченский” всю технику угробили. Им теперь за это валят всё новенькое, а нам — шиш!

Как же так?

— Поезжайте, увидите...

Недавно принявший совхоз директор А. В. Егоров подтвердил, что до него механизаторы угробили здесь 17 почти новеньких тракторов, не проживших на белом свете и по три года... Технику списали. Суд своим решением за 17 тракторов взыскал с бывшего директора 500 рублей, да с бывшего главного инженера 400 рублей, по 53 рубля — за трактор. По дешёвке. А непосредственные виновники, те, что гоняли тракторы за водкой, пьяные разбивали их и теряли в ухабах да на канавах колёса, остались безнаказанными» [1, с. 120].

Один из наиболее уважаемых руководителей на местах, второй секретарь Пензенского обкома КПСС Г. В. Мясников в 1979 г. отмечал в своём дневнике: «Читал интервью в “Советской России” писателя Фёдора Абрамова о северной деревне. Впервые понял ошибочность одного шага — перевода колхозников на гарантированную оплату труда. Русская деревня, начиная от общины, всегда жила “миром”. Колхоз, создав коллективный труд, но не отменив оплату труда от результатов, сохранял заинтересованность всего колхозного общества, “мира” в успехе дела. Каждый, болея за себя, болел

за колхоз. Гарантированная оплата труда разрушила этот устой, создав общую незаинтересованность в результате. Есть хлеб, нет его — всё равно зарплату платят. Добавил своё и неоправданно бурный перевод колхозов в совхозы» [13, с. 371].

О какой популяризации хозрасчёта, безнарядных звеньев, внедрении стимулов бережного обращения с техникой и поощряемой всячески работой «до седьмого пота» могла идти речь, когда рядом лодыри и вандалы, откровенно глумясь над землёй, получали стабильную зарплату и безработица им не грозила! К сожалению, примеры того, как дети и внуки крестьян, испокон века являвшихся становым хребтом России, на исходе советского времени превращаются в маргинализованных иждивенцев и люмпенов, не единичны. Конечно, большинство сельских тружеников делало свою работу нормально, многие достойно (настолько, насколько это было возможно в объективных условиях незаинтересованности людей в результатах своего труда). У всякого, кто видел своими глазами, что представляет собой работа той же доярки или скотника (особенно зимой и в межсезонье), язык не повернётся делать обобщающие сиюминутные выводы о «деградации» крестьянского труда и пр. Но сам факт, что такие горе-работники перестали в эти годы считаться отщепенцами в глазах односельчан, с которыми общаться тошний раз зазорно, не то что иметь какие-либо дела, свидетельствует о серьёзных отрицательных изменениях в отношении людей к крестьянскому труду и вообще друг к другу. В этой связи следует учесть ещё и воздействие миграционного фактора: город десятилетия кряду «забирал» основную часть наиболее социально активных, самостоятельных, образованных крестьян, что не могло не отразиться негативно на генофонде сельчан, особенно молодёжи в эти годы.

И. А. Васильев подводит горький итог ошибочности того, что задумывалось сверху во благо: «К большим деньгам деревня успела привыкнуть. Началась некая деформация коренных деревенских представлений и понятий. Оставить в поле хлеб, сжечь лён, не выкопать картошку всегда было хозяину аттестацией нерадивости. Сейчас это делается со спокойной совестью. В психологию земледельца уже крепко-накрепко вошло представление: что бы ни случилось на поле, пусть хоть весь урожай погибнет, он, пахарь и сеятель, лично не пострадает. Он получает за “нормы”, за выполнение операций по твёрдым расценкам... Сотни колхозов и совхозов прошлый год окончили с убытками, а кассиры исправно берут из банка полочки. Я помню такой худой, страшно дождливый 1951 г. Как переживали колхозники, как они бились за каждый сноп хлеба, за каждый клочок сена! И какое спокойствие царило в деревнях в прошлом неурожайном 1978 г! Не скажу — в каждой, но в большинстве. Волновались, метались в поисках выхода бригадиры, председатели, уполномоченные. Рядовой земледелец был спокоен. Он не беспокоился за завтрашний свой день, ему не грозил голод» [4, с. 23].

Негативное воздействие со стороны СМИ и массовой культуры. С 1970-х гг. на экраны страны по заказу Гостелерадио СССР начинают выходить фильмы, направленные на укрепление желания молодых сельчан остаться в своей деревне, призывающие массу людей, от села отбившихся, а к городу так и не прибавившихся, вернуться в родной край. Некоторые киноленты имели самые высокие художественные качества, к примеру: «Деревенская история» (реж. В. Каневский, 1981), «Трижды о любви» (реж. В. Трегубович, 1980). Были и выдающиеся: «Прощание» (реж. Л. Шепитько, Э. Климов; 1979), «Калина красная» (реж. В. Шукшин, 1974). Однако в общей массе продукции советской киноиндустрии таких фильмов было очень мало. Выходили ежемесячные журналы, в которых в большей или меньшей степени обсуждались проблемы села: «Крестьянка», «Сельская молодёжь», «Сельская новь» (последний особенно следует отметить). Однако воздействие печати несопоставимо с воздействием на аудиторию телевидения и радио. К сожалению, на телевидении в эти годы существовала только одна еженедельная программа о селе: «Сельский час», гораздо более ограниченная, в сравнении с журналами, в возможности лишиться раз поднимать острые вопросы. Не лучше обстояло дело и на радио. Тон же в телевизионном освещении жизни села задавали бравурные репортажи программы «Время» об успешном завершении посевной и рекордных урожаях уборочной кампании. Таким образом, в СССР отсутствовала слаженная информационно-пропагандистская политика, направленная на обозначение перед обществом наиболее острых проблем села и мобилизацию усилий значительной его части на их преодоление.

Данную проблему впервые на страницах публицистики поднимает В. И. Белов, связывая её в т. ч. и с *сельским комплексом неполноценности*. В статье «Требуется доярка» он пишет: «Ложноромантический взгляд на мир мы прививаем ребёнку с первого класса. Дело поставлено так, что каждому восьмикласснику кажется, что даже любовь можно встретить только в городе, в крайнем случае где-нибудь на Самотлоре или на БАМе. Но ни в коем случае не там, где родился, не дома. Что у себя

в селе, или в деревне, или в посёлке ничего нет интересного, что надо поскорее выбраться из-под родительской крыши» [2, с. 116]. «Хроническую глупость просвещённых мещан, употребляющих слова “колхозник” и “деревня” лишь в ироническом смысле, я замечал и в шестидесятых годах, встречается она и теперь. Прибавим к этому, что многие родители твердят сельскому подростку: “Учись, а то будешь, как мы, всю жизнь навоз возить!” Припомним заодно и то, что в школах, в кино и по радио многие годы говорили больше о лётчиках и геологах, чем о хлеборобах и доярках, да прибавим сюда традиционную северную крестьянскую стеснительность. И тогда вовсе неудивительным покажется существование упомянутого мною сельского комплекса неполноценности» [2, с. 75]. И. А. Васильев обращает внимание и на такое проявление данного комплекса, как то, что возвращение в деревню ещё в 1950-е гг. расценивалось односельчанами как «непригодность для города» [5, с. 38]. Это стало существенным сдерживающим фактором также и в 1960-е — 1980-е гг.

В. Белов справедливо отмечает, что все предшествующие десятилетия деревенская тема оставалась «на задворках» советских СМИ. В условиях же утверждения массовой культуры, проникновения её через экраны телевизора в самую отдалённую деревню, крестьянский труд в информационном поле окончательно утрачивает какую-либо привлекательность для современной молодёжи. «Теперь сельский подросток в той же мере, что и городской, живёт в атмосфере, весьма далёкой от той, которая формирует стойкое положительное отношение к земле и крестьянству вообще. А в десятом классе, незадолго до экзаменов, вдруг приходят в класс инструктор РК ВЛКСМ, председатель колхоза, два-три ветерана. Девочкам, мечтавшим стать геологами и балеринами, настойчиво предлагают стать доярками» [2, с. 116]. Утверждая, что круг редакторских интересов зачастую ограничен чисто городскими интеллектуальными условиями, писатель приводит в пример тематику журнала «Наука и жизнь»: «Чего только нет на страницах журнала! Например, проблемы парфюмерии и кулинарии перемешиваются советами по содержанию аквариумов, зооуголка и т. д. Увы, для доярок, пахарей и косцов на страницах журнала почти ничего нет. Конечно, срок службы шахматных часов тоже дело важное. Но как бы продлить ещё и срок службы транспортной ленты на скотном дворе? Или ускорить затянувшееся создание лёгкой удобной бензокосилки? Или придумать простой и удобный способ удаления навоза при отрицательных температурах» [2, с. 119].

Отмечая роль телевидения в эти годы как непрекаемого общественного авторитета, В. И. Белов рассказывает, чем в реальности оборачивается необдуманное следование продвигаемым через экран модным культурным течениям в условиях провинциальной действительности. «10 октября 1983 года. Череповецкое телевидение посвятило себя ещё невиданному в наших краях искусству. На экране явился человек непонятно какого пола и долго изгибался перед зрителями, пуская в эфир звуки то “в стиле тяжёлого рока”, то ещё в каком-то стиле. Другой человек, “музыковед”, с видом профессора комментировал всю эту свистопляску, называя всё это прогрессивными новыми течениями в музыке... “Что дальше?” — вопрошает пропагандист “тяжёлого рока”. А дальше вот что: молодых доярок везут за много километров на дискотеку слушать сверхшлягеры, учат их “современным” ритмам и “песням”, исполняемым на английском языке. В дело включились все Дворцы и клубы, районные Дома культуры, солидные учреждения и профсоюзные работники. Никто не хочет выглядеть отстающим! Засомневался в своей правоте и автор этих строк. По этой причине звоню директору ДК железнодорожников. “У нас сегодня ритм-балет, — сказал директор, — выступает группа “Сирий”, приходите обязательно”. Иду. В тёмном зале человек восемьсот слушают оглушительную белиберду. На сцене десятка два почти обнажённых (в бикини) девушек. Полуголые вологжанки старательно имитируют испанский темперамент, двигают животами и бедрами. “Испанский” танец сменяется “танцем инопланетян”... Мои соседи — двое подростков из ПТУ связи № 30. “Нравится?” — спрашиваю. Оба неопределённо пожимают плечами» [2, с. 121]. «Нет, — заключает В. Белов, — этих инопланетянок в бикини уже никто никогда не увидит с доильным аппаратом в руках! Им подражают городские девушки на танцплощадке, а вчерашние десятиклассницы из деревень учатся стилю тяжёлого рока уже у них. И мне вспомнились 60-е годы, когда в этом же самом Дворце ежегодно собирались доярки со всей области, как всем им дарили дорогие подарки и как участницы народного хора пели в их честь величальную. Тогда ещё существовала возможность найти подмену на два-три дня для всех доярок области с тем, чтобы они съездили на слёт в Вологду. Теперь этой возможности уже нет. Слёт доярок невозможен по той простой причине, что не на кого оставить коров. Подмены нет, и ждать неоткуда» [2, с. 122].

Справедливо отмечая, что деревня десятки лет была неравноправна с городом не только экономически, но и духовно, автор, вспоминая ситуацию с развитием культуры на селе в 1960-е гг., пишет:

«Я сам видел, как заведующие клубами не разрешали молодёжи плясать. Клубная девушка отбирала баян или гармонь и включала проигрыватель. Слово “диско” произносится с ощущением умилительно-го служебного подобострастия. Вековая народная культура ошельмована» [3, с. 66]. Непосредственно связывая негативное информационно-культурное воздействие с другой причиной отчуждения крестьян от земли — *нехваткой невест на селе*, являвшейся следствием всё увеличивавшейся миграции в город девушек и молодых женщин, «которые составляли 3/5 всех молодых мигрантов» [11, с. 53], — В. Белов обращает внимание на следующее: «Пропаганда чисто городских, зачастую весьма сомнительных ценностей особенно сильно влекут молодых женщин. За ними следом и всё остальное» [3, с. 72]. «Сексуальная, эстрадная белиберда заполонила эфир. Взгляды и критерии псевдогероев тотчас усваиваются подростком. До этих ли проблем моим землякам? Рассчитывать на возвращение невест в родную деревню нашим женихам при нынешних обстоятельствах, увы, очень трудно. А без невест женихи наши быстро сопыются, и ферму в Тимонихе придётся закрыть. А посему исчезнет и вся четвёртая бригада колхоза “Родина” вместе с моей Тимонихой» [3, с. 69]. Писатель делает закономерный вывод о необходимости для сохранения села широкого продвижения через СМИ традиционной народной культуры, популяризации сельскохозяйственного труда и самого образа жизни. Выход один — следование традициям и вытекающее из этого возвращение к родным сельским корням должны стать, говоря современным языком, модным трендом для молодёжи. «Почему бы Комитету по радио и телевидению не отдать одну из четырёх телевизионных программ полностью сельской тематике? Не мешало бы и одну из радиостанций, причём самую мощную, такую, как “Маяк”, отдать полностью для обслуживания многонациональной сельской среды. А разве так уж трудно специализировать в этом плане одну из киностудий страны?» [2, с. 126].

Многие проблемы развития села, хорошо изученные известными писателями в их художественных произведениях, статьях и очерках 60-х — 80-х гг., остаются актуальными и сегодня. И неплохо было бы современным политикам, от которых зависит дальнейшее развитие российской деревни, хоть иногда обращаться к литературному наследию людей, отдавших весь свой недюжинный творческий потенциал делу сохранения своего народа.

В заключение хочется привести слова великого нашего классика В. Г. Распутина, произнесённые им в 1985 г. на VI съезде Союза писателей РСФСР: «Деревенская проза» 60–70-х годов, как ни старались тыкать её в вековую деревенскую грязь лицом, опасаясь, что она наследит этой грязью на полотно новой жизни — на асфальте, вернула необходимый долг родительской России не одной лишь поминной, но и живой благодарной памятью и показала, чем крепилась и что вынесла из глубин истории национальная наша душа, указала на духовные и нравственные ценности, которые, если мы собираемся и впредь оставаться народом, а не населением, не повредят нам и на асфальте» [15, с. 419].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрамов Ф. А.* Чем живём-кормимся: Очерки; Статьи; Воспоминания; Литературные портреты; Заметки; Размышления; Беседы; Интервью; Выступления / сост. Л. Крутикова-Абрамова. Л.: Советский писатель, 1986. 528 с.
2. *Белов В. И.* Раздумья на Родине: Очерки и статьи. М.: Современник, 1986. 271 с.
3. *Белов В. И.* Ремесло отчуждения. М.: Советская Россия, 1988. 88 с.
4. *Васильев И. А.* Допуск на инициативу: деревенские очерки. М.: Современник, 1983. 349 с.
5. *Васильев И. А.* Я люблю эту землю. М.: Советская Россия, 1983. 256 с.
6. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. Р-3024. Оп. 7. Д. 213; Д. 477.
7. *Заболотская К. А.* Роль публицистики как исторического источника в изучении проблем новейшего периода отечественной истории // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. 2014. № 3 (59). Т. 2. С. 118–121.
8. *Иванчук Д. В.* Проблема ликвидации «неперспективных» деревень в публицистическом отражении авторов «деревенской прозы» // Известия Коми научного центра УроРАН. № 1 (37). Сыктывкар, 2019. С. 112–120.
9. *Казарезов В. В.* Крестьянский вопрос в России. (От коллективизации до перестройки). Т. 2. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2001. 528 с.
10. Материалы XXIV съезда КПСС. М.: Политиздат, 1971. 320 с.
11. *Михайловский И. Ю.* Социальная эволюция российской деревни (1965–1991 гг.). Историография вопроса. Советский период: монография. Волгоград: ВолгГАСУ, 2013. 169 с.
12. *Можжаев Б. А.* Запах мяты и хлеб насущный: эссе, полемические заметки. М.: Моск. рабочий, 1982. 463 с.
13. *Мясников Г. В.* Страницы из дневника (1964–1992) / под ред. М. Г. Мясникова и М. С. Полубоярова. М.: [б. и.], 2008. 775 с.

14. *Наухацкий В. В.* Аграрная политика и модернизация сельского хозяйства в России. 1965–2000. Ростов-н/Д: [б. и.], 2003. 199 с.
15. *Распутин В. Г.* Время и бремя тревог (Выступление на VI съезде Союза писателей РСФСР) / *Распутин В. Г.* Собр. соч.: в 3 т. Т. 3: Сибирь, Сибирь... Очерки. Публицистика. М.: Мол. гвардия; Вече, 1994. 496 с.
16. *Распутин В. Г.* Что в слове, что за словом: очерки, интервью, рецензии. Иркутск: Восточно-сибирское кн. изд-во, 1987. 336 с.
17. Судьбы российского крестьянства / под ред. Ю. Н. Афанасьева. М.: Изд-во РГГУ, 1995. 624 с.

Поступила в редакцию 09.07.2020

Иванчук Денис Владимирович, кандидат исторических наук, доцент
АНО ДО «Инженерные кадры и менеджмент»
445047, Россия, г. Тольятти, ул. 40 лет Победы, 10
E-mail: IDW-80@mail.ru

D.V. Ivanchuk

THE PROBLEM OF ALIENATION OF PEASANTS FROM THE LAND IN THE PERIOD FROM THE MID- 1960s TO THE MID-1980s THROUGH THE PRISM OF “VILLAGE PROSE” WRITERS’ JOURNALISTIC WORKS

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-4-812-822

The article is devoted to the study of the problem of alienation of peasants from the land in the period from the mid-1960s to mid-1980s in the context of the agrarian policy carried out during these years. The analysis of the complex nature of this problem is given on the basis of the extensive material of journalistic works by “village prose” writers, on the basis of archival and other historical sources. The author identifies and studies reasons for the alienation of the peasantry from the land in those years, such as: further stateization, centralization and concentration of agricultural production; its centralized planning; introduction of guaranteed wages; negative impact from the media and popular culture; rural inferiority complex; lack of brides in the countryside; the policy of eliminating unpromising villages.

Keywords: alienation of the peasantry from the land, peasantry, agrarian policy, migration from rural areas, “village” journalism.

REFERENCES

1. *Abramov F. A.* Chem zhivem-kormimsja: Oчерki; Stat’i; Vospominanija; Literaturnyj portrety; Zametki; Razmyshlenija; Besedy; Interv’ju; Vystuplenija / sost. L. Krutikova-Abramova [How we live: Essays; Articles; Memories; Literary portraits; Notes; Reflections; Conversations; Interview; Speeches] / compilor L. Krutikova-Abramova. Leningrad, “Soviet writer” Publ., 1986, 528 p. (In Russian).
2. *Belov V. I.* Remeslo otchuzhdenija [Craft of alienation]. Moscow, “Soviet Russia” Publ., 1988, 86 p. (In Russian).
3. *Belov V. I.* Razdum’ja na Rodine: Oчерki i stat’i [Meditations at home: essays and articles]. Moscow, “Soveremennik” Publ., 1989, 352 p. (In Russian).
4. *Vasiliev I. A.* Dopusk na iniciativu: derevenskie oчерki [Admission to initiative: village essays]. Moscow, “Sovremennik” Publ., 1983, 349 p. (In Russian).
5. *Vasiliev I. A.* Ya lublyu etu zemlu [I love this land]. Moscow, “Sovetskaya Rossia” Publ., 1983, 256 p. (In Russian).
6. Gosudarstvennyy arkhiv Ul’yanovskoy oblasti (GAUO) [State Archives of the Ulyanovsk Region (GAUO)]. F. R-3024. Op. 7. D. 213. L. 477. (in Russian, unpublished).
7. *Zabolotskaya K. A.* Rol’ publicistiki kak istoricheskogo istochnika v izuchenii problem novjshego perioda otechestvennoj istorii [The role of journalism as a historical source in the study of the problems of the modern period of national history]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kemerovo State University], 2014, no. 3 (59), vol. 2, pp. 118–121. (In Russian).
8. *Ivanchuk D. V.* Problema likvidacii “neperspektivnyh” dereven’ v publicisticheskom otrazhenii avtorov “derevenskoj prozy” [The problem of liquidation of “unpromising” villages in the publicistic reflection of the authors of “village prose”]. Izvestiya Komi nauchnogo centra UroRAN [Izvestia of the Komi Scientific Center UroRAN], 2019, no. 1 (37), pp. 112–120. (In Russian).
9. *Kazarezov V. V.* Krest’yanskij vopros v Rossii. (Ot kollektivizacii do perestrojki) [The peasant question in Russia (from collectivization to perestroika)]. Vol. 2. Moscow, FGNU “Rosinformagrotech” Press, 2001, 528 p. (In Russian).
10. Materialy XXIV sjezda KPSS [Materials of the XXIV Congress of the CPSU (the Communist Party of the Soviet Union)]. Moscow, “Politizdat” Publ., 1971, 320 p. (In Russian).

11. *Mikhailovsky I. Yu.* Social'naya evolyutsiya rossijskoj derevni (1965–1991 gg.). Istoriografiya voprosa. Sovetskij period: monografiya [Social evolution of the Russian countryside (1965–1991). Historiography of the issue. Soviet period: monograph]. Volgograd, VolgGASU Press, 2013, 169 p. (In Russian).
12. *Mozhaev B. A.* Zapah mjaty i hleb nasushhnyj: esse, polemicheskie zametki [The smell of mint and daily bread: essays, polemical notes]. Moscow, "Moskovsky rabochy" Publ., 1982, 463 p. (In Russian).
13. *Myasnikov G. V.* Stranicy iz dnevnika (1964–1992) / pod red. M. G. Myasnikova i M. S. Poluboyarova [Pages from the diary (1964–1992) / ed. by M. G. Myasnikov and M. S. Poluboyarov]. Moscow, [n. a.], 2008, 775 p. (In Russian).
14. *Naukhatsky V. V.* Agrarnaya politika i modernizaciya sel'skogo hozyajstva v Rossii. 1965–2000 [Agrarian policy and modernization of agriculture in Russia. 1965–2000]. Rostov-on-Don, [n. a.], 2003, 199 p. (In Russian).
15. *Rasputin V. G.* Vremya i bremya trevog (Vystuplenie na VI s'ezde Soyuza pisatelej RSFSR) [Time and burden of troubles (speech at the VI Congress of the Union of Writers of the RSFSR)]. Collected works: In 3 volumes. Vol. 3: Siberia, Essays. Journalism. Moscow, "Molodaya Guardiya"; "Veche" Publ., 1994, 496 p. (In Russian).
16. *Rasputin V. G.* Chto v slove, chto za slovom: ocherki, interv'ju, retsenzii [What is in the word, what is behind the word: essays, interviews, reviews]. Irkutsk, "Vostochno-sibirskoe knizhnoe izdatelstvo" Publ., 1987, 336 p. (In Russian).
17. *Sud'by rossijskogo krest'janstva* [The fate of Russian peasantry] / ed. Yu. N. Afanasyev. Moscow, RSHU Press, 1995, 624 p. (In Russian).

Received 09.07.2020

Ivanchuk D. V., Candidate of History, Associate Professor
Autonomous Non-Profit Organization of Additional Education "Engineering personnel and management"
40 years of Victory st., 10, Togliatti, Russia, 445047
E-mail: IDW-80@mail.ru